

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МАРШРУТ, ИЛИ РУССКИЙ ПРОЕКТ ГЕНУЭЗЦА ПАОЛО ЧЕНТУРИОНЕ

(из предыстории открытия Северного морского пути)

В начале XVI в. борьба за пути подвоза пряностей из Азии в Европу еще не казалась купечеству итальянских морских республик проигранной окончательно и бесповоротно. Хотя османские завоевания Константинополя (1453 г.), Трапезунда (1461 г.), Крымских портов (1475 г.), Сирии, Палестины и Египта (второе десятилетие XVI в.) лишили итальянцев господствующего положения в торговле этих регионов, тем не менее гораздо более тяжелые и опасные последствия для коммерческих интересов Генуи и Венеции на Востоке имела экспансия Португалии в Южной и Юго-Восточной Азии, позволившая этой стране в первые десятилетия XVI в. занять монопольные позиции в мировой торговле пряностями. Не располагая необходимыми силами для того, чтобы в военно-морской борьбе с османами и португальцами установить свой контроль над известными тогда путями подвоза пряностей, как и других восточных товаров, в Европу, итальянские купцы и мореплаватели стали искать иные, неизвестные дотоле маршруты торговли с Азией. Большую активность в этом направлении развернул предприимчивый купец-авантюрист генуэзец Паоло Чентурионе.

Основные сведения о нем сообщил известный итальянский гуманист Павел Йовий (Паоло Джовио) в «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» («*Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum*»), вышедшей из печати осенью-зимой 1525 г. и представлявшей собой первое изданное в Европе сочинение, которое было целиком посвящено систематическому описанию Российского государства. В числе прочих источников, на которые Йовий опирался, собирая материалы для своего труда [11, с. 219–220], были и сведения, полученные от Паоло Чентурионе, неоднократно ездившего с дипломатическими миссиями в Москву к Василию III.

Паоло, или Паолетто, Чентурионе (*Centurione*; по-латыни его имя звучит *Paulus Centurio* (Павел Центурион)); в русских документах он значится как Павел Генуянин, Павел Зеновеевич, или Зеневеевич, Зевеенин) принадлежал к генуэзской аристократической семье, ветви семьи Кантели. Он был незаконнорожденным сыном Раффаэлло Чентурионе. В 1503 г. Паоло был эмансипирован¹, получив, как всякий глава семейства, юридическую и хозяйственную самостоятельность (обычно эмансипация давалась после 25 лет, а это значит, что Паоло должен был родиться не позже 1478 г.). Семья Чентурионе имела давние связи с Кафрой, в 60–70-е годы XV в. ее представители занимали видное положение в этой генуэзской колонии в Крыму [19, с. 32]. Продолжая семейную традицию, Паоло занимался коммерцией в Причерноморье, Сирии и Египте². В 1512 г. он предлагал свое изобретение, позволяющее кораблю плыть со скоростью 2–3 мили в час в безветренную погоду, португальской короне за вознаграждение в 20 тысяч золотых дукатов, но был отвергнут³. В дальнейшем Паоло решил наладить через Россию

¹ См. исследования и документы о Паоло Чентурионе: 32, с. 2–3, 105–110; 26, с. 221–223; 36, с. 175–180; 23, с. 396–397; 22, с. 255–257.

² Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор вступительных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 230, 259 (сочинение Йовия в этом издании дано на языке оригинала по первой печатной его публикации и в переводе А. И. Малеева и О. Ф. Кудрявцева на русский язык; в сносках указаны страницы латинского текста и перевода).

³ См. документ: *Peragallo P. Lettere di A. De Brito e di P. Centurione* // *Bollettino della società geografica italiana*. Roma, 1892. Agosto-Sett. (Р. 786–800). Р. 799–800. См. также: 15, с. 314 (и в целом о Чентурионе: 15. С. 311–327 (пагинация местами нарушена)); 31, с. 276–293.

подвоз восточных товаров в Европу. С этой целью в 1518 или 1519 г. он отправился в Москву, посетив по дороге Кенигсберг. В этом городе он, по-видимому, намеревался присоединиться к доминиканскому монаху Николаю Шонбергу, готовившемуся ехать в Москву, чтобы там по поручению папы проповедовать крестовый поход против турок; но по причине возобновившейся войны между Россией и Польшей Шонберг не смог отправиться в Москву. Не получилось у Чентурионе ехать вместе с Константином Замыцким (Zamytski), московским посланцем к великому магистру Тевтонского ордена; скорее всего, он, добившись разрешения русского государя, должен был предпринять путешествие в Москву один [31, с. 14–17, 110–112].

Первый, по крайней мере известный, приезд Чентурионе в Россию состоялся в 1520 г., о чем в летописи сказано: «Того же лета же былъ у великого князя на Москве отъ папы римскаго (Льва X. — О. К.) з грамотою человекъ его именемъ Павель»⁴. Непонятно, была ли предпринята Чентурионе частная, деловая поездка с рекомендательным письмом от папы, или на него была возложена официальная дипломатическая миссия к российскому государю: у Павла Йовия, писавшего со слов самого Чентурионе, сказано, что тот «прибыл в Москву ради торговли... и лично от себя повел переговоры с близкими к князю людьми о соединении обрядов той и другой церкви»⁵; однако в послании Климента VII (май 1524 г.) сказано, опять же со слов самого Чентурионе, что он был отправлен к Василию III с грамотой, то есть исполнял роль гонца⁶. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что, помимо продвижения своего масштабного торгового проекта, Чентурионе должен был, скорее всего, под видом частной инициативы, хотя и — в этом нет сомнений — с ведома Св. Престола, разведать, в какой мере «московиты» готовы пойти на заключение церковной унии с католиками. Словом, с самого начала Чентурионе пытался заинтересовать Василия III своим проектом подвоза восточных пряностей, используя водные артерии России. Ни той, ни другой цели он, как видно, не достиг и, из купца став послом, по выражению Йовия, передал уже новому «папе Адриану VI грамоту Василия, в которой тот в самых почтительных выражениях изъявлял свое отменное расположение к римскому первосвященнику»⁷.

Далее мы находим Чентурионе в Копенгагене, где он обратился к королю Христиану II с просьбой о предоставлении торговых льгот и денег для погашения налогов и пошлин. В итоге от датского короля он добился разрешения на торговлю в Дании, Швеции и Норвегии и на вывоз товаров в Россию [15, с. 318–319; 6, с. 77].

Во второй раз Чентурионе отправился в Россию в 1524 г. с грамотой следующего папы Климента VII, датированной 25 мая этого года⁸. В послании папы, если верить Йовию, Василий III будто бы приглашался «признать величие римской церкви и заключить в религиозном единомыслии вечный союз»⁹. «При этом папа, по-видимому, обещал, что, если Василий, отвергнув догматы греческой веры, обратится к покровительству римской церкви, то он, папа, на основании святейшей власти первосвященника назовет его королем и дарует ему королевские отличия. Ибо, — утверждает римский гуманист, — Василий желал получить с папского дозволения титул и название короля»¹⁰. На самом деле, в папской грамоте, которую вез Чентурионе, о союзе Василия III с папой говорилось в самых общих выражениях и сколько-нибудь определенного

⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. I. С. 36; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 181; Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 3. № 98. С. 692, 694, 698. См. также: 20, с. 114; 7, с. 205; 18, с. 208. Правда, Н. Н. Бантыш-Каменский указывает 1521 г. как время посещения Паоло Чентурионе Москвы [2, с. 268].

⁵ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту XII. С. 230, 258.

⁶ Григорович И. Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке. СПб., 1834. № 2. С. 11.

⁷ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту XII. С. 231, 260.

⁸ См.: Григорович И. Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке. № 2. С. 9–15.

⁹ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту XII. С. 232, 261.

¹⁰ Там же.

обещания русскому государю королевского титула не содержалось. И уж ни в коем случае нельзя верить словам Йовия о том, что Василий III домогался от папы производства в короли, ибо еще Иван III, его отец, заявил в 1489 г. посланцу императора Фридриха III Николаю Поппелю на предложение ему королевской короны: «...мы божию милостию государи на своей земле изначяла, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле, а поставления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»¹¹.

Польский король Сигизмунд I отнесся к Чентурионе как к папскому нунцию, выделив лошадей, продовольствие и фураж до польской границы [15, с. 318–319; 18, с. 213–215; 6, с. 77]. В Польше Чентурионе весьма задержался, скорее всего в ожидании зимнего санного пути, и не заслуживает доверия утверждение Павла Йовия о том, что генуэзец «благополучно и быстро совершил путешествие», ибо в Москву он прибыл, по-видимому, лишь в феврале 1525 г. Здесь он был «ласково принят Василием» и оставался «при его дворе два месяца»¹², до апреля этого года¹³, когда вместе с Дмитрием Герасимовым¹⁴, гонцом Василия III к папе, он отправился в обратный путь. По дороге назад он еще раз воспользовался гостеприимством польского короля, который снабдил его рекомендательным письмом к папе от 8 июня 1525 г. [15, с. 237; 20, с. 115; 6, с. 77]. В Рим Чентурионе с ответным посольством Василия III вернулся довольно быстро — «прежде, чем мы могли подумать, что он успел прибыть в Москву», — сказано у Йовия, — по-видимому, в конце июля — августе 1525 г.¹⁵ И вот тогда-то Павел Йовий встретился с ними обоими, Дмитрием Герасимовым и Паоло Чентурионе, и в числе прочих сведений дал весьма подробное описание грандиозного торгового проекта генуэзца.

Чентурионе предстает как типичный для своего времени купец-авантюрист, «привыкший с юности странствовать по свету со значительно большим счастьем, чем с особой выгодой»¹⁶, хотя ради этой самой выгоды он готов был идти на всевозможные труды, ввязываясь в любые, даже крайне рискованные и сомнительные предприятия. Что же влекло его во владения великого князя Московского, край малоизвестный и труднодоступный? Оказывается, «Паоло, человек

¹¹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. I: сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических отношений с империею Римскою. Т. I (с 1488 по 1594). Стб. 12; Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989. С. 6. См. также: 2, с. 1; 25, с. 21–29. Подробнее о проблеме титулатуры российского государя в международных отношениях конца XV — первой половины XVI в. см.: 10, с. 22–26; 12, с. 224–228.

¹² Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 232, 261.

¹³ Григорович И. Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке. № 3. С. 19–21.

¹⁴ О Дмитрие Герасимове см.: 17, с. 122, 186, 190–192, 261; 15, с. 311–319; 8, с. 237–239; 9, с. 248–266; 16, с. 64, 71–72; 21, с. 198–205.

¹⁵ Ниже в тексте Йовия (Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 234, 263) сказано, что Дмитрий был свидетелем приема папой кардинала Кампеджо, вернувшегося из «Паннонского посольства» к венгерскому королю Людовику, которое продолжалось с декабря 1524 по июнь 1525 г. и имело целью организовать отпор турецкому наступлению (см.: 33, с. 439–440). По-видимому, на этом основании Х. Михов [29, с. 23] датирует возвращение Чентурионе июнем 1525 г. Д'Амато, вслед за А. Данти, относит возвращение посольства к середине сентября 1525 г. [24, с. 257; 6, с. 77], поскольку у Павла Йовия сказано о присутствии Дмитрия Герасимова на папском богослужении «в честь святых Козьмы и Дамиана» (Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 234, 263), то есть 27 сентября. Действительно, если «Паннонское посольство» Кампеджо завершилось в июне, то в Рим он мог прибыть в конце июля или в августе, а прием в честь него мог быть устроен папой в конце августа или в сентябре. Но и Дмитрий Герасимов не сразу с дороги попал на папское богослужение и на прием Кампеджо — перед этим он успел еще перенести лихорадку и оправиться от нее. Поэтому наиболее вероятным временем его приезда в Рим следует считать конец июля — август 1525 г.

¹⁶ «Igitur Paulus qui feliciore aliquanto cursu, quam multo cum quaestu percurrere terrarum orbem ab ineunte aetate didicerat...» (Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 232, 261).

с безумной и ненасытной душой (так охарактеризован он у Йовия. — О. К.) искал нового и невероятного пути для добывания пряностей из Индии»¹⁷. Речь шла о том, чтобы, найдя новый маршрут снабжения европейских стран пряностями, уничтожить монополию португальцев на торговлю этими весьма прибыльными товарами. Ибо, как свидетельствует Йовий, «Паоло сильно и превыше меры рассержен был на несправедливость лузитанцев (то есть португальцев. — О. К.), которые покорили значительную часть Индии оружием и, заняв все рынки, скупали затем все пряности и увозили их в Испанию (sic!), после чего обычно продавали их всем народам Европы за более значительную, чем раньше, цену и с огромной выгодой». И чтобы никто не составил им конкуренцию, «они с таким тщанием и старанием держали под неусыпной охраной своих кораблей берега Индийского моря, что, по-видимому, совершенно прекратились и были оставлены те торговые сношения, благодаря которым вся Азия и Европа снабжались через Персидский залив, вверх по Ефрату, а также по узкому Аравийскому морю, а затем по течению Нила и по нашему (Средиземному. — О. К.) морю (указанными товарами. — О. К.) в изобилии и по более дешевой цене». Чентурионе имел в виду вооруженную блокаду португальцами, поставившими под свой контроль важнейшие порты Южной и Юго-Восточной Азии, входы в Персидский залив и в Красное море, какой бы то ни было торговли пряностями купцов других стран. Кроме того, генуэзец обвинял португальцев в торговле недоброкачественным товаром, ибо «от неудобств весьма дальнего плавания (из Азии в Европу вокруг Африки. — О. К.) и от недостатков нижней части корабля пряности портятся, их сила, вкус и душистый запах от продолжительного пребывания в Олизипонских (то есть лиссабонских. — О. К.) торговых кладовых исчезают и выдыхаются; затем лузитанцы постоянно приберегают более свежие товары, а продают только старые и притом заплесневелые от долгого лежания»¹⁸.

И вот, негодую на португальцев, с целью их обойти Чентурионе разработал свой, как сказано в маргиналии к тексту, «неслыханный путь подвоза пряностей»¹⁹. О нем он узнал будто бы по слухам («fama cognouerat»), «занимаясь торговыми делами в Сирии, Египте и Понте»; оказывается, «пряности можно подвозить вверх по реке Инду из отдаленной (Восточной. — О. К.) Индии, оттуда по непродолжительному сухому пути, перевалив через горный хребет Паропамис (Гиндукуш. — О. К.), их можно перевезти в реку бактрийцев Окс (Аму-Дарья. — О. К.); эта последняя берет начало почти из тех же гор, как и Инд, и в противоположном с ним направлении изливается при порте Страве (город Астерабад, современный Горган. — О. К.) в Гирканское (Каспийское. — О. К.) море, приняв предварительно в себя много рек. Далее, по его уверению, от самой Стравы представляется безопасное и легкое плавание вплоть до торжища Цитрахи (современная Астрахань. — О. К.) и устья Волги; оттуда же, поднимаясь непрестанно вверх по рекам, а именно: по Волге, Оке и Москве, можно легко добраться до (города. — О. К.) Москвы, от Москвы же сухим путем до Риги и в Сарматское (Балтийское. — О. К.) море, а также во все западные страны»²⁰.

Вот, собственно говоря, весь проектируемый Чентурионе маршрут подвоза пряностей²¹. Для обеспечения последней части его, от Каспийского моря до Риги, и нужно было содействие

¹⁷ «Quaerebat enim Paulus insano, uastoque animo, nouum et incredibile iter petendis ab India Aromatibus» (Там же. С. 230, 258). Должен уточнить цитированный перевод А. И. Малеина и О. Ф. Кудрявцева: здесь и далее слово «агота» («agomata») будет переводиться не как «благовоние», а как «пряность».

¹⁸ Там же. С. 231, 259–260.

¹⁹ «Iter inauditum pro adducendis aromatibus» (Там же. С. 230, 259).

²⁰ Там же. С. 230–231, 258–259. Нет никаких оснований полагать вслед за М. П. Алексеевым [1, с. 98], будто в 1522 г. другой Чентурионе — Гаспаро, как и Паоло, тоже генуэзец и, возможно, его родственник, намеревался достичь Индии через Прибалтику, но был остановлен в Нормандии (см.: 27, с. 36–41, 77). Ибо в документах не сказано, что этот Чентурионе имел в виду добраться до Индии с торговыми целями именно через Прибалтику, то есть необычным путем. Конечно, речь шла о плавании по уже проложенным и известным тогда маршрутам.

²¹ В 1557 г. по мотивам книжицы Йовия будет создано «Донесение о Московии» («Discorso di Moscovia»), автор которого (возможно, Марко Фоскарини) станет претендовать на то, что именно ему принадлежит разработка пути, гораздо ранее описанного Йовием со слов Чентурионе (см.: 14, с. XI, 20; 30, с. 354–363; 35, с. 259).

российского государя, ради чего генуэзский купец неоднократно наведывался в Москву. Однако вопрос и сомнение вызывает утверждение Йовия о том, что Чентурионе, планируя первую часть маршрута, руководствовался слухами, ходившими среди торгового люда Ближнего Востока и Причерноморья. Как хороший знаток космографии, Чентурионе²², несомненно, должен был помнить описание речных торговых путей Средней Азии, данное Страбоном, у которого сказано: «...река Окс, отделяющая Бактриану от Согдианы, как говорят, отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта»²³. Именно эти сведения, в которых, по-видимому, отразилось действительное направление речных артерий южного Прикаспия в древности, а не какие-то неясные слухи должны были дразнить воображение генуэзского купца, смекнувшего, сколь великую прибыль можно получить, если пустить потоки пряностей в Европу, используя указанные Страбоном пути индийско-каспийской торговли.

Теперь понятно, что проект Чентурионе был обречен на неудачу. И не только потому, что Аму-Дарья — вопреки данным древней географии — впадает не в Каспийское, а в Аральское море, то есть отсутствует удобный речной путь, который позволил бы сплавлять по воде индийские товары от Гиндукуша до Каспия; но также и потому что великий князь Московский не в силах был гарантировать безопасное прохождение торговых караванов по средней и нижней Волге, контролируемой казанскими и астраханскими татарами, в то время неподвластными российскому государю. Ни того, ни другого, как видно, Чентурионе не ведал, предлагая в Москве свой проект: «...хотя Паоло с великим ожесточением рассуждал со всеми (теми, надо полагать, кого Василий III назначил вникнуть в предложения генуэзца. — О. К.) об этих делах и, стараясь возбудить сильную ненависть против лузитанцев, указывал, что в случае открытия этого пути пошлины с товаров значительно преумножат государеву казну, а, кроме того, сами москвиты могут гораздо дешевле покупать пряности, которые употребляются ими в огромных количествах во всех блюдах, однако он не мог ничего добиться в отношении этих торговых сношений, так как Василий отнюдь не считал возможным открывать человеку иноземному и неизвестному (*homini externo ac ignoto*) те страны, которые предоставляли доступ к Каспийскому морю и царствам Персидским...»²⁴.

Итак, Чентурионе потерпел неудачу, «не достигнув исполнения ни одного из своих мечтаний»²⁵, ибо натолкнулся на вполне понятное недоверие российского государя, который, несмотря на все обещанные ему и его стране, как могло показаться, очевидные экономические выгоды, не склонен был доверить человеку постороннему эксплуатацию волжско-каспийского водного пути, на контроль над которым претендовал он сам. Впрочем, кто знает, может быть, неуступчивость Василия III уберегла Чентурионе от неудачи куда более катастрофической для него, ибо если бы он снискал согласие российского государя и организовал компанию для реализации своего трансконтинентального коммерческого проекта, то неминуемо был бы разорен по причине его полной несостоятельности. Как бы то ни было, предприимчивый генуэзец должен был оставить «всякие надежды и неизъяснимые мечтания о торговых сношениях с Индией» и, пусть и обласканный Василием III, вернуться в Рим. К тому же он явно переоценивал собственные

²² По сообщению Дж. Д'Амато [6, с. 75], в Государственном Генуэзском архиве среди документов, относящихся к Чентурионе, есть запись, говорящая о том, что он был хорошим космографом. Также, по свидетельству Агостино Джустиниано, составителя генуэзских анналов и современника Чентурионе, этот купец-авантюрист был «весьма опытен в космографии» («*molto pratico in cosmografia*») (*Giustiniano A. Castigatissimi annali della Eccelsa et illustrissima Republica di Genoa. Genoa, 1537. Lib. VI. P. 278r*).

²³ Страбон. География. II. I. 15; XI. VII. 3, 4 / Перевод Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 79, 482.

²⁴ Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 231, 260.

²⁵ Там же.

силы, ибо, по свидетельству Йовия, был уже стар и страдал «от застарелой каменной болезни»²⁶; дни его были сочтены.

Чентурионе умер, по-видимому, в Лондоне в самом конце 1525 г. Однако перед тем он успел, по свидетельству Агостино Джустиниано, войти в доверие к английскому королю Генриху VIII и заинтересовать его проектами мореплаваний к новым, неизвестным землям²⁷. Если Чентурионе действительно обращался с каким-то своим предложением к Генриху VIII, то в нем он едва ли стал бы предлагать английскому королю путь восточной торговли через Прибалтику и Россию; ибо в таком маршруте для Англии было мало проку, да и «открытия новых стран» он не сулил. Скорее всего неутомимый генуэзец должен был выступить с идеей достичь дальних стран Азии, плывя на восток, обогнув Скандинавский полуостров и далее — вдоль континента по Северному Ледовитому океану. В таком случае речь идет, по сути, о проекте Северного морского пути. Вполне возможно, что на мысль о нем навел Чентурионе попутчик по последней его поездке из Москвы в Рим Дмитрий Герасимов, который еще прежде, как и другие его коллеги, русские дипломаты Григорий Истома и Влас Игнатъев, достигали Западной Европы, пройдя морем вокруг Скандинавии²⁸. Со слов Чентурионе или самого Дмитрия Герасимова мог Павел Йовий в своей книжке среди прочих географических известий сообщить, что «Двина, принимающая в себя бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу, и что море имеет там такое огромное протяжение, что, по весьма достоверному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до границ Китая»²⁹.

В этих словах содержится, пожалуй, первое появившееся в печати указание на существование непрерывного Северного морского пути вдоль побережья Евразии, ведущего в Китай и другие страны Востока. Стоит в данной связи привести свидетельство Джованни Батиста Рамузио (даты жизни: 1485—1557 г.) в первом томе его «Мореплаваний и путешествий» (1-е изд.: 1550 г.) о том, что идея Северного морского пути имела русские корни и широкое распространение в Европе на рубеже первой и второй четверти XVI в.: один его ученый собеседник как-то вспоминал, что, когда он был молодым человеком, — то есть приблизительно тогда же, когда Чентурионе пытался реализовать свои проекты, — в Аугсбурге некий «посол герцога Московского», «человек весьма сведущий в греческой и латинской грамоте и искушенный в морских делах», демонстрировал ему карту, доказывая возможность Ледовитым океаном достичь Китая³⁰. По словам этого собеседника, новый путь к Китаю и Молуккским островам был бы много короче

²⁶ Там же. С. 232—233, 261—262.

²⁷ «Et Paulo poi passo in Inghilterra, et fu ben veduto dal Re, il quale li prometteva alquanti navi per andare a discoprir paesi novi. Ma il bono et laborioso Paulo amalo in Londra, et ando a cercare i paesi dell'altro mondo» (*Giustiniano A. Castigatissimi annali della Eccelsa et illustrissima Republica di Genoa. P. 278r*). Все известия помечены 1525 г., и это заставляет думать, что умер Чентурионе все в том же 1525 г. Откуда почерпнул Джустиниано сведения о пребывании Чентурионе в Англии, неизвестно, хотя точная передача генуэзским хронистом предшествующей информации заставляет думать, что и здесь он добросовестно воспроизводит полученные им данные о последнем этапе жизни своего соотечественника и современника.

²⁸ См. описание пути из Белого моря вокруг Скандинавского полуострова в Данию, сделанное со слов всех трех русских дипломатов, у Сигизмунда Герберштейна (*Записки о Московии / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 1988. С. 200—202*), дважды, в 1517 и 1526 г., посетившего Московскую Русь. См. в этой связи также: 5, с. 21—25.

²⁹ *Йовий П. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. С. 239—240, 270.* См. в этой связи: 1, с. 98.

³⁰ *Ramusio G. B. Discorso sopra varii viaggi per li quali sono state condotte et si potrian condurre le spetierie // Primo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1550. P. 401v.* По предположению М. П. Алексева и ряда других исследователей [1, с. 97—98], этим русским был скорее всего Дмитрий Герасимов, который мог проезжать через Аугсбург по дороге в Рим или из Рима; М. С. Боднарский [5, с. 23—24] считает, что у Рамузио речь шла о московском после Истома, ездившем в 1518 г. к императору Максимилиану I в Инсбрук. Впрочем, вполне вероятно и то, что упомянутым у Рамузио русским мог быть один из участников посольства, отправленного в 1525 г. к императору Карлу V, например Влас Игнатъев (см. материалы о нем и о посольстве с его участием: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 138, 206 № 8, 298 № 66).

(molto più breve), нежели тот, коим пользуются португальцы, и его в состоянии освоить и город Любек, «славный и могущественный», и «светлейший король Польши», «но более других имеет для этого возможностей и условий герцог Московии» («ma sopra tutti il Duca di Moscovia averia la maggior commodità e facilità»)³¹.

Если Чентурионе умер в Лондоне, то именно там должны были остаться его бумаги, в том числе, вполне вероятно, и содержащие описание его проектов и путешествий; как бы то ни было, до нас они не дошли³². Но не исключено, что именно знакомство с планами Чентурионе — в результате личного общения с ним или по его записям — подвигло англичанина Роберта Торна выступить в 1527 г. с предложением королю Генриху VIII снарядить экспедицию, которой надлежало, с севера обогнув «Татарию», доплыть до Китая, затем до Малакки, Ост-Индии, мыса Доброй Надежды, а от него направиться в Европу и таким образом совершить кругосветное путешествие [37, с. 307, 405–407; 4, с. 11–12]. Не исключено также, что проекты Чентурионе были известны Себастьяно Каботу³³, по-видимому, тоже генуэзцу, одному из руководителей английской компании купцов-авантюристов, сыгравшему решающую роль в разработке планов английской торговой экспансии в северо-восточном направлении, которая привела к установлению экспедицией Уиллоби и Ченслера в 1553 г. пути из Англии вокруг Скандинавии до устья Северной Двины [37, с. 292–323, 426–427; 30, с. 352–353; 28, с. 20–22; 34, с. 255; 6, с. 78].

Литература

1. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
2. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1896. Ч. II.
3. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
4. Боднарский М. С. Великий Северный морской путь. М.; Л., 1926.
5. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947.
6. Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV–XVI веков. Историко-библиографический очерк. М., 1995.
7. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
8. Казакова Н. А., Катускина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРА. Л., 1968. Т. XXIII. С. 227–252.
9. Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 248–266.
10. Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор ввдных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 6–34.
11. Кудрявцев О. Ф. Павел Йовий // Россия в первой половине XVI в. С. 217–226.
12. Кудрявцев О. Ф. Неизвестная грамота Карла V Василию III // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 224–228.
13. Матасова Т. А. Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI вв. // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 332–367.
14. Огородников Вл. Донесение о Московии второй половины XVI века // ЧОИДР. 1913. Кн. 2.
15. Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912.
16. Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
17. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. 74. № 1.

³¹ Ramusio G. B. Discorso sopra varii viaggi per li quali sono state condotte et si potrian condurre le spetierie. P. 401v. См. также: 13, с. 364.

³² О судьбе бумаг Чентурионе ставит вопрос Дж. Д'Амато [6, с. 78–79], небезосновательно предполагая, что они могли храниться в архиве Русской компании, который погиб при пожаре 1666 г.

³³ По мнению Л. С. Берга [3, с. 12–15, 63], побудительным мотивом для снаряжения Каботом экспедиции с целью поиска северо-восточного пути в Китай послужили сведения Дмитрия Герасимова, сообщенные в книге о России Павла Йовия.

18. Хорошкевич А. Л. Российское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
19. Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981.
20. Шмурло Е. Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом (1462—1528) // Записки русского исторического общества в Праге. Прага Чешская; Нарва, 1937. Кн. 3. С. 91—136.
21. Язькова В. Е. Папский престол и Московское государство (к истории дипломатических связей в первой половине XVI в.) // Средние века. М., 1995. Вып. 58. С. 198—205.
22. Amat di S., Filippo P. Biografia dei viaggiatori italiani. Studi biografici e bibliografici sulla storia della geografia in Italia. Roma, 1882.
23. Canale M. G. Storia del commercio, dei viaggi, delle scoperte e carte nautiche degli italiani. Genova, 1866.
24. Danti A. Cantelli Centurione Paolo // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1975. Vol. 18. P. 255—257.
25. Fiedler N. Nikolaus Poppel, erster Gesandter Oesterreichs in Russland. Historisch-biographische Skizze. Wien, 1857.
26. Foglietta U. Clarorum Ligurum elogia. Romae, 1573.
27. Gosselin E. Documents authentiques et inédits pour servir à l'histoire de la marine normande et du commerce rouennais pendant les XVIe et XVIIe siècles. Rouen, 1876.
28. Lubumenko I. I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933.
29. Michow H. Die ältesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamburg, 1884.
30. Modigliani M. Note intorno al viaggiatore Paolo Centurione // Bollettino della R. Società geografica italiana. 1932. Serie VI (P. 350—363). P. 354—363.
31. [Пирлинг П.] Pierling Le P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Paris, 1896.
32. [Пирлинг П.] Pierling P. L'Italie et la Russie au XVIe siècle. Voyages de Paoletto Centurione a Moscou, Dmitri Gerasimow à Rome, Gian Francesco Citus à Moscou. Paris, 1892.
33. Pastor L. von. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg im B., 1907. Bd. IV. Abt. II.
34. Pommier M. E. Les italiens et la découverte de la Moscovie // Mélanges d'archéologie et d'histoire. École française de Rome. 1953. T. LXV. P. 247—283.
35. Simčić O. Discorso su Moscovia. A proposito di una relazione cinquecentesca sulla Russia // Annali della Facoltà di Lettere e Filologia dell'Università degli Studi di Perugia. 1983/1984. Vol. XXI. Nuova serie VII. 3, studi linguistico-letterari. P. 249—267.
36. Spotorno G. B. Storia letteraria della Liguria. Genova, 1855. Lib. IV.
37. Tarducci Fr. Di Giovanni e Sebastiano Caboto. Memorie raccolte e documentate. Venezia, 1892.